ПОТОМСТВЕННЫЕ ДВОРЯНЕ КАНЦЕЛЯРСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Извѣстно, что до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости просвѣщеніе въ Россіи шло весьма тихимъ шагомъ, и поэтому людей съ высшимъ образованіемъ, особенно не въ столицахъ, очень было немного, и то были преимущественно преподаватели учебныхъ заведеній. За недостаткомъ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, не всякому родителю было по средствамъ отправлять на дальнее разстояніе своихъ дѣтей для обученія, а слѣдовательно поневолѣ приходилось ограничиваться обученіемъ ихъ лишь въ уѣздныхъ училищахъ. Тогдашніе помѣщики, хотя и имѣли возможность воспитывать дѣтей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но предпочитали по преимуществу давать имъ образованіе посредствомъ наемныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Дѣти и другихъ сословій, хотя и достигали окончанія курсовъ въ означенныхъ заведеніяхъ, но таковые всѣ распредѣлялись на службу въ столицахъ по министерствамъ, въ провинціальныхъ же присутственныхъ мѣстахъ служили только лица, преимущественно изъ духовнаго званія, или дѣти чиновниковъ, окончившіе и не окончившіе курса въ уѣздныхъ училищахъ, а также не окончившіе курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но за то были еще и такія лица изъ духовнаго званія, которыя нигдѣ не обучались, но подъ руководствомъ своихъ родителей, маломальски изучивши грамоту и побывши нѣкоторое время церковными причетниками, потомъ, по какимъ-то побудительнымъ причинамъ и счастливымъ случаямъ, поступали на государственную службу. Правда, въ то время поступали на службу и потомственные дворяне, получившіе домашнее воспитаніе, но они всѣ служили управляющими, предсѣдателями или же совѣтниками, т. е. начальниками отдѣленій; большая часть изъ нихъ служила только ради одного почета и полученія чиновъ и орденовъ, нисколько не занимаясь и не вникая въ свои служебныя обязанности и всегда безпрекословно подписывая все, что приходило къ нимъ изъ канцеляріи, гдѣ вся мудрость и творилась въ то время посредствомъ столоначальниковъ и секретарей.

Вотъ къ этому-то разряду мудрецовъ привелось примкнуть и мнѣ многогрѣшному, поступившему въ 1849 году въ Нижегородскую Палату Государственныхъ Имуществъ, разумѣется, первоначально писцомъ. Изъ того же разряда образовывались и потомственные дворяне, именно тѣ, которые получили чины коллежскаго ассесора до 1845 г., или же за безпорочную 35-тилѣтнюю службу орденъ Св. Владимира 4-й степени.

При поступленіи моемъ на службу въ Палату я засталъ въ ней таковыхъ дворянъ четверыхъ, изъ коихъ одинъ ничѣмъ замѣчательнымъ не отличался, кромѣ какъ пилъ запоемъ, за что и было ему приказано выйти въ отставку; второй, состоялъ въ должности стряпчаго Палаты, Михаилъ Осиповичъ Л., человѣкъ весьма солидный, трезвый и въ добавокъ великій скупецъ. Онъ прежде служилъ по питейной части до существованія еще откуповъ, когда продажей питій завѣдывала, какъ и теперь, казна; тамъ онъ былъ столоначальникомъ и самъ откровенно разсказывалъ, что поставщикамъ питій притѣсненій онъ не дѣлалъ, а бралъ только въ свою пользу по тогдашнему ассигнаціонному курсу $^1/_2$ коп. съ ведра, которыхъ за годъ составлялось до 2000 р. (въ то время деньги крупныя). Онъ занимался ростовщичествомъ, принимая въ залогъ недвижимую собственность, и оставилъ послѣ своей смерти 80.000 руб., но не ассигнаціями, а уже серебромъ. Однажды онъ насъ сильно разсмѣшилъ своимъ горемъ, происшедшимъ оттого, что, за отсутствіемъ казначея, выдавая намъ жалованье, просчиталъ при этомъ 50 копѣекъ и при этомъ съ грустью сказалъ: „Ну вотъ, господа, вы все меня торопили и торопили, и я просчитался; разумѣется, кто получилъ эти деньги, теперь уже не скажетъ; но за чтоже пострадаетъ мое бѣдное семейство?“.

Затѣмъ двое дворянъ моихъ сослуживцевъ, происходили тоже изъ церковныхъ причетниковъ. Оба они весьма замѣчательныя личности, какъ по образу жизни, такъ и по способу отправленія своихъ служебныхъ обязанностей; много въ этихъ личностяхъ было страннаго. Одинъ бухгалтеръ продовольственнаго стола, Степанъ Семеновичъ Р., а другой дѣлопроизводитель хозяйственнаго отдѣленія Иванъ Петровичъ П. Они нисколько не отстали отъ своихъ ранѣе усвоенныхъ привычекъ. Видимо они тяготились пріобрѣтеннымъ службою своимъ потомственнымъ дворянствомъ и потому всегда избѣгали исконнаго дворянскаго общества, а когда и случалось бывать въ кругу ихъ, то держали себя стѣсненно и униженно, чувствуя себя не въ своей сферѣ и всегда предпочитая простое сословіе. Окостюмировка у нихъ всегда была простая и бѣдная. Оба они любили выпить, но только каждый это дѣлалъ по своей методѣ. Степанъ Семеновичъ всегда водку приносилъ съ собою въ Палату, имѣя ее въ небольшой бутылочкѣ у себя въ карманѣ и въ продолженіе присутственныхъ часовъ нѣсколько разъ выходилъ въ сѣни, гдѣ подъ лѣстницею и выпивалъ глотками изъ горлышка. Иванъ Петровичъ поступалъ иначе. Онъ имѣлъ обыкновеніе выпивать, идя въ Палату, выходя изъ дому часовъ въ 5 утра, т. е. въ то время, когда бывали открыты питейныя, заведенія, которыя при существованіи откуповъ открывались рано. На пути Ивана Петровича въ Палату находилось такихъ заведеній два и одинъ дрянный трактиришка. Въ каждомъ питейномъ домѣ онъ выпивалъ понемногу, бесѣдовалъ съ пришедшими туда для той же цѣли знакомыми, а если таковыхъ не оказывалось, тогда бесѣдовалъ съ самимъ сидѣльцемъ заведенія, а потомъ приходилъ уже въ трактиръ, гдѣ его поджидали просители, съ которыми онъ тутъ и пилъ чай, послѣ чего часовъ въ восемь утра приходилъ на занятія въ Палату.

Въ это время совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія Палаты былъ помѣщикъ-владѣтель 130 душъ, домашняго воспитанія, какъ значилось въ его формулярномъ спискѣ, Сергѣй Ивановичъ К. Онъ былъ человѣкъ весьма строгій, вспыльчивый и въ добавокъ большой взяточникъ; по службѣ былъ весьма энергичный и дѣятельный; всѣ служащіе въ канцеляріи его сильно боялись. Бывало, какъ только онъ являлся еще въ прихожую Палаты, какъ уже слышенъ былъ его сердитый окрикъ на сторожей или крестьянъ-просителей и даже бывало такъ, что если кто изъ послѣднихъ въ разговорѣ или отвѣтѣ замнется (чего онъ терпѣть не могъ), тогда такого просителя онъ злобно оборачивалъ къ двери и въ шею выталкивалъ вонъ. Многіе говорили, что это звѣрь, а не человѣкъ. Но по справедливости надо сказать, что Сергѣй Ивановичъ такъ былъ дѣятеленъ по службѣ и столько передѣлывалъ въ продолженіе присутственныхъ часовъ дѣла, что другому достало бы чуть ли не на цѣлую недѣлю. Всѣ входящія бумаги онъ прочитывалъ и по тѣмъ, которыя не требовали справокъ, тотчасъ же писалъ резолюціи, а также ни одна бумага, не будучи имъ прочитана, не подписывалась; дѣла же рекрутскія и разныя другія, влекущія за собой взятки, никто не разсматривалъ и не разрѣшалъ кромѣ его одного, и по этимъ дѣламъ у него даже была установлена такса въ пять золотыхъ, что̀ знали и крестьяне-просители, кои съ такой суммой являлись прямо къ нему на квартиру, откуда Сергѣй Ивановичъ, по разсмотрѣніи предъявленныхъ документовъ, отсылалъ ихъ со своимъ человѣкомъ въ канцелярію Палаты съ приказаніемъ все приготовить къ его приходу. Боже, сохрани, если это приказаніе въ точности не исполнялось! Подымалась такая буря, что хоть всѣхъ святыхъ неси вонъ. Онъ также строго преслѣдовалъ ошибки, замѣченныя по бумагамъ, особенно по бумагамъ, отправляемымъ въ Министерство. Однажды въ вѣдомости, подлежащей къ отправленію въ Министерство, Сергѣй Ивановичъ, замѣтивъ ошибку, говоритъ бухгалтеру Раевскому: „Тутъ нуль пропущенъ!“—„Хе-хе-хе“, засмѣялся Степанъ Семеновичъ со свойственной ему простотою. „Да вы еще смѣетесь?“.., сердито сказалъ совѣтникъ. „Какъ же не смѣяться-то Сергѣй Ивановичъ, вѣдь нуль ничего не значитъ.“—„Нуль самъ по себѣ ничего не значитъ, но при цифрахъ онъ много значитъ“!! вспылилъ совѣтникъ, „извольте подавать въ отставку!“.. Такимъ образомъ пустое дѣло привело къ трагической развязкѣ вслѣдствіе непомѣрной раздражительности и деспотичности начальника. Жалко намъ было старика Степана Семеновича: онъ былъ весьма добрый и незлобивый, да и служебныя дѣла его всегда были въ порядкѣ. Онъ еще болѣе намъ былъ пріятенъ тѣмъ, что часто забавлялъ насъ разными анекдотами, которые бывало мы съ удовольствіемъ выслушивали, приступивши къ нему большой толпою. „Ну, такъ и есть!“, злобно кричалъ Сергѣй Ивановичъ, когда невзначай заставалъ насъ при этомъ, „у Р. всегда ужъ кружокъ ротозѣевъ!“ и тогда мы, разумѣется, тотчасъ же расходились по своимъ мѣстамъ.

Такъ какъ совѣтникъ К., вслѣдствіе его энергичной дѣятельности и строгости, только одинъ и былъ страшенъ для канцеляріи, то дѣлопроизводитель Иванъ Петровичъ не имѣлъ никакого вліянія, никто его не боялся, и

все дѣлалось миновавъ его, а онъ только и занимался провѣркою бумагъ весьма оригинальнымъ способомъ. Къ этой работѣ необходимыя вещи всегда уже были при немъ, какъ-то: перочинный ножъ, карандашъ, резина, суровыя нитки, форменный шелкъ для сшиванія бумагъ, отправляемыхъ въ Министерство, игла, которая у него постоянно была воткнута, какъ у бродячаго деревенскаго портного, къ борту сюртука и, наконецъ, сандаракъ. Почему онъ такъ назывался, я объяснить не могу, а Иванъ Петровичъ называлъ его „пупочкомъ“; но на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не походилъ на пупочекъ, а вѣрнѣе на дѣтскую соску, такъ какъ онъ составлялся изъ мелко истолченаго ладана, положеннаго въ бѣлую тряпочку и туго перетянутаго ниткою. Это орудіе употреблялось для натиранія выскобленнаго на бумагѣ ножомъ мѣста, чтобы при написаніи на этомъ мѣстѣ вновь не расходились чернила. Въ довершеніе всего онъ приглашалъ къ своему столу кого-либо изъ писцовъ для того, чтобы тотъ слѣдилъ по подлиннику, а самъ читалъ переписанное, точь-въ-точь какъ Псалтырь по покойникѣ, и къ этому дѣлу весьма часто, какъ новичка, приглашалъ меня. Занятіе это было для меня весьма скучное и непріятное, во-первыхъ, потому что въ тогдашнее время въ докладныя записки, въ журналы и въ исходящія бумаги цѣликомъ входили всякая ерунда и безграмотность („изъ большого не выпадетъ“, говаривалъ Иванъ Петровичъ); а во-вторыхъ, потому что во время чтенія очень часто приходилось останавливаться и смотрѣть, какъ онъ скоблитъ бумагу, третъ сандаракомъ и по вычищенному вновь вписываетъ, а также сшиваетъ бумаги, а иногда просто разводитъ тары да бары, понюхивая при этомъ табачокъ. Такое занятіе происходило каждый день въ продолженіе всего присутствія и вечерняго занятія, и все-таки иногда оставалось много непрочитаннымъ, и тогда онъ мнѣ говаривалъ: „приди ты завтра пораньше, этакъ часовъ въ семь, мы съ тобою поболтаемъ“. Иванъ Петровичъ не имѣлъ обыкновенія пропущенную одну букву, слово, или даже нѣсколько ихъ, вписывать сверху между строкъ, а всегда выскабливалъ столько, чтобы потомъ на этомъ мѣстѣ вписать все пропущенное. „Что это вы, Иванъ Петровичъ, все скоблите“, однажды ему замѣтилъ совѣтникъ К. „Нельзя, Сергѣй Ивановичъ, рѣчь пропущена была“, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ. Былъ также одинъ случай, что Сергѣй Ивановичъ и относительно меня сказалъ ему: „что̀ вы все отвлекаете его отъ дѣла, онъ и въ столѣ полезенъ; развѣ вмѣсто его еще нѣтъ кого другого?“ — „Да некого, Сергѣй Иванычъ, все верхогляды“. Иногда Иванъ Петровичъ во время чтенія бумагъ дѣлалъ свои приписки или исправленія, но всегда очень глупыя, такъ, напримѣръ: бумага была донесеніе министру о происшествіяхъ. „Ты что̀, золотописецъ“ (такъ онъ называлъ писцовъ съ красивымъ почеркомъ) „развѣ „*труппа*“ одинъ „покой“; на самомъ же дѣлѣ было написано не труппа, а *трупа*, т. е. мертваго тѣла, и писецъ отвѣтилъ, что одинъ „покой“. „Ну, вотъ, какой умникъ явился!“ зарычалъ Ив. Петров.; „спроси его, указывая на меня“, и я сказалъ, что должно быть одно „*п*“. „Да вы оба, прямо сказать, молокососы, молоды и зелены, какъ гусиное..... на водѣ не тонетъ“; такъ очестилъ насъ Иванъ

Петровичъ обоихъ, и послѣ этого, взявши ножичекъ, выскоблилъ „па“ и вписалъ тутъ „ппа“. А вотъ еще былъ однажды такой курьезный случай. Во время чтенія тоже весьма важной бумаги и при сильномъ увлеченіи Ивана Петровича вдругъ изъ носа его упала на бумагу табачная каплюшка; при этомъ онъ нисколько не смутился, а сказалъ только, что это скверный табакъ, взятый имъ на Ковалихинской будкѣ, много въ него золы положено; „а вотъ отъ богадѣльничнаго табаку этого не будетъ: богадѣльщики молодцы табакъ дѣлать“. Послѣ такого монолога табачную каплюшку на бумагѣ стеръ онъ рукавомъ своего сюртука и, вооружившись ножичкомъ и сандаракомъ, поступилъ обычнымъ образомъ.

У Ивана Петровича имѣлся и мундиръ VIII класса, который постоянно хранился въ сторожевской на случай нечаяннаго пріѣзда изъ С.-Петербурга какого-либо важнаго сановника, а также для большихъ праздничныхъ дней; въ немъ онъ и ходилъ съ поздравленіями къ начальству. Весьма смѣшонъ былъ Иванъ Петровичъ, когда облекался въ этотъ мундиръ. Представьте себѣ человѣка средняго роста и съ довольно порядочнымъ брюшкомъ, въ мундирѣ съ узенькими фалдами, отъ времени уже скрутившимися, въ штанчикахъ самыхъ узенькихъ и коротенькихъ, не доходившихъ до ступни вершка на три, и въ добавокъ въ личныхъ сапогахъ, смазанныхъ дегтемъ. Ну, вотъ въ этой обмундировкѣ онъ казался какъ есть свайка или волчокъ, употребляемые мальчишками въ играхъ. „Штанчики-то, Иванъ Петровичъ, слѣдовало бы имѣть подлиннѣе, да и сапоги-то смазные“, однажды сказалъ ему Сергѣй Ивановичъ. „Да ну, сойдетъ“, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, „знаютъ попа и въ рогожкѣ“. Тутъ, кажется, вѣрнѣе бы было сказать, не „попа“, а „дьячка“. А еще было, что какой-то шутникъ вздумалъ надругаться надъ его мундиромъ тѣмъ, что бывшую на груди пряжку за безпорочную 35-ти лѣтнюю службу прикололъ сзади къ фалдамъ.

Наконецъ, наступило время обновленія Палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго порядка въ ней. Совѣтникъ К., гроза чиновниковъ, перемѣщенъ въ управляющіе Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, а вмѣсто его поступилъ весьма добрый и симпатичный старикъ Николай Андреевичъ Малаховъ; а также на бывшую долгое время вакантною должность управляющаго поступилъ Василій Александровичъ Трубниковъ, добрѣйшій и простой человѣкъ, но только по служебнымъ дѣламъ съ большими запинками. Бывало, призоветъ къ себѣ въ присутствіе кого-либо изъ столоначальниковъ для объясненія по докладу и говоритъ ему: „вотъ тутъ, батюшка, надо измѣнить“, и при этомъ зачеркиваетъ написанное и пишетъ сверху свое, а потомъ и свое опять зачеркиваетъ и силится вмѣсто этого что-то высказать, но ничего у него не высказывается, а происходитъ только какое-то мычаніе, послѣ котораго и спроситъ: „поняли вы меня?“—„Понялъ, Вас. Алекс.“, отвѣчаетъ столоначальникъ. „Ну, такъ и исправьте“. Столоначальникъ же, взявши свой докладъ, передаетъ его писцу и приказываетъ снова переписать все какъ было, безъ всякаго измѣненія; и переписанный

докладъ на другой день снова передается управляющему, который тогда уже и утверждается имъ безъ всякаго возраженія.

Съ поступленіемъ новыхъ управляющаго и совѣтника постепенно сталъ измѣняться и составъ канцеляріи. Прежніе старики всѣ уже выбыли, въ томъ числѣ и И. П. П., а вмѣсто ихъ стали поступать молодые и съ болѣе основательными взглядами на вещи, частію уже окончившіе курсъ въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Однакоже, простота, доброта и слабое вниманіе къ служебнымъ обязанностямъ управляющаго Трубникова повсемѣстно поселили злоупотребленія и даже, можно сказать, небывалое до сихъ поръ взяточничество, просто сказать, грабежъ. Грабили чиновники Палаты и Окружныхъ Управленій, а также и лѣсничіе; грабили и должностныя лица волостныхъ управленій. Явились самовольныя порубки лѣсовъ въ большихъ размѣрахъ; растрачивались мірскія суммы и общественные хлѣбные запасы, породившіе въ Палатѣ массу слѣдственныхъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ этимъ установились въ средѣ чиновниковъ сильные кутежи. Однимъ словомъ, во всемъ произошелъ полный хаосъ. Противъ такихъ злоупотребленій хотя и принимались нѣкоторыя мѣры, но онѣ однако, были мало дѣйствительны; напримѣръ, вслѣдствіе того, что какъ растрата хлѣбныхъ запасовъ замаскировывалась преимущественно усышкою и мышѣдомъ, то по распоряженію Министерства, въ видахъ правильнаго и скораго учета, устраивались магазины съ мѣрными закромами, для сбереженія хлѣба отъ мышѣда велѣно завести въ потребномъ количествѣ кошекъ, а въ закромы, поверхъ хлѣба, класть ольховый листъ, кѣмъ-то въ Министерствѣ признанный для мышей губительнымъ. И что же вышло? Волостныя правленія начали доносить такъ: „заведенныя кошки неохотно остаются въ магазинахъ въ потемкахъ, а все больше обитаютъ на волѣ, зимой же по случаю морозовъ въ магазины и вовсе не ходятъ; да кромѣ мышей есть, дескать, и крысы, съ которыми не всякая кошка можетъ справиться. Относительно же ольховаго листа говорили, что когда листа не было, тогда мыши, поѣвши, изъ закромовъ уходили, при листьяхъ же оставались навсегда, устраивая тутъ гнѣзда и выводя дѣтей.

Вотъ еще была весьма курьезная жалоба крестьянъ по дѣлу о размежеваніи земель Чернухинскихъ и Селемскихъ крестьянъ, гдѣ вслѣдствіе взяточничества одна и таже земля раза три переходила отъ одного села къ другому, и въ концѣ концовъ между крестьянами этихъ селеній произошла баталія на кольяхъ, въ то время, когда весною та и другая сторона намѣревались было приступить къ полевымъ работамъ, и изъ нихъ одной стороны крестьяне въ жалобѣ Палатѣ говорили такъ: землемѣръ Павловъ, вышедши пьяный въ поле, не произведя никакого измѣренія, а лишь только покачавшись на межѣ, все-таки у насъ отрѣзалъ болѣе 300 десятинъ земли.

Между тѣмъ злоупотребленія все усиливались и усиливались; вмѣстѣ съ этимъ усиливалось по Палатѣ и взяточничество. Положилъ начало этому сильному взяточничеству столоначальникъ рекрутскаго стола Осипъ Кузьмичъ П., который установилъ такъ, что по дѣламъ о рекрутскихъ наймитахъ,

о семейныхъ раздѣлахъ, о покупкѣ и зачетѣ рекрутскихъ квитанцій и вообще объ освобожденіи отъ рекрутской повинности, бралъ съ каждаго просителя не менѣе 200 рублей, да кромѣ того совѣтовалъ дать рублей по 5 или 10 дѣлопроизводителю и совѣтнику. Это послѣднее дѣлалось для того, что онъ опасался помѣхи для себя со стороны этихъ лицъ, которой на самомъ-то дѣлѣ и не могло быть, особенно со стороны дѣлопроизводителя П. Н. Ш., ничего въ дѣлахъ не понимавшаго, а лишь собственно для того, чтобы и имъ доставить средства. Долго такъ ратовалъ Осипъ Кузьмичъ и очень наживался. Жизнь его предъ всѣми чиновниками блистала. Онъ занималъ роскошную квартиру съ богатою обмеблировкою, одѣвался богато и шикарно, имѣлъ дорогіе золотые часы съ массивной цѣпью, а на указательномъ пальцѣ золотой съ большимъ брилліантомъ перстень и въ довершеніе всего свелъ близкое знакомство съ помѣщицею Неустроевою, на парѣ вороныхъ лошадей которой вездѣ разъѣзжалъ и лихо на нихъ каждый день къ подъѣзду Палаты подкатывалъ. Долго бы, можетъ быть, онъ прослужилъ въ Палатѣ, если бы не послѣдовалъ одинъ случай, вынудившій его выйти въ отставку. Было такъ, что посланный имъ къ совѣтнику Г. В. Алявдину проситель, не знавши того, что Осипъ Кузьмичъ есть подчиненный совѣтнику, по простотѣ своей высказался ему: „Я былъ у Осипа Кузьмича, и онъ приказалъ мнѣ дать вамъ вотъ эти 5 рубл.“—„А сколько же ты далъ ему?“ спросилъ совѣтникъ. „Далъ я ему двѣсти рубл.“ отвѣтилъ крестьянинъ. Ясно, что это сильно затронуло самолюбіе совѣтника, возбудивъ въ немъ сильную къ Осипу Кузьмичу злобу и тѣмъ вынудило его укоризненно и гнѣвно высказать ему въ Палатѣ. Но въ свою очередь и П. наговорилъ совѣтнику кучу колкостей и въ концѣ концовъ подалъ въ отставку, сказавъ на прощаньи, что онъ „съ такими дураками служить болѣе не желаетъ“. Послѣ слышно было, что онъ гдѣ-то пріобрѣлъ за 12 тысячъ рубл. нѣсколько душъ крестьянъ съ землею на имя какой-то потомственной дворянки, своей племянницы, такъ какъ на свое имя онъ не могъ этого сдѣлать, не будучи потомственнымъ дворяниномъ, и въ тоже время не оградилъ себя со стороны племянницы никакимъ документомъ, а та будто бы потомъ вовсе отстранила его отъ имѣнія и окончательно завладѣла имъ сама. Вотъ значитъ и выходитъ, что неправильное-то стяжаніе въ прокъ не идетъ.

Послѣ Осипа Кузьмича поступилъ въ столоначальники его помощникъ Вас. Ив. Б., который также началъ обирать просителей какъ и тотъ: ѣздилъ въ Палату тоже на парѣ лошадей, только не на такихъ какъ П., а на весьма нескладныхъ и съ длинными, какъ у жирафовъ, шеями, и кутилъ въ компаніи съ полицеймейстеромъ Лаппою, выставляя съ форсу цѣлыя дюжины Шампанскаго и все больше и больше раскошеливаясь, когда Лаппа иронически говорилъ ему: „ну-ка, столоначальникъ, еще... еще“...; но послѣ вышло, что Б-у губернаторъ приказалъ подать въ отставку.

Послѣ Б. было въ этомъ столѣ, тоже преемственно изъ помощниковъ, еще двое столоначальниковъ, которые по примѣру своихъ предшественниковъ

точно также загребали отъ просителей деньги грудами. Изъ нихъ одинъ, Ив. Лавр. В-въ, даже достигъ было должности дѣлопроизводителя, но, не долго пробывъ на ней, померъ отъ тифа, а пріобрѣтенный на взятки домъ перешелъ по наслѣдству къ его родной сестрѣ. Затѣмъ второй и послѣдній столоначальникъ, дослужившійся до упраздненія Палаты, былъ замѣчателенъ тѣмъ, что отъ этой службы пріобрѣлъ цѣлый кварталъ домовъ, всего счетомъ, кажется, шесть; онъ очень радовался тому, что ему удалось по добру по здорову дослужиться до упраздненія Палаты и остаться за штатомъ. Однако онъ недолго находился въ заштатѣ, и ему вскорѣ вновь удалось поступить на службу по межевой части, на которой онъ дослужился до ордена Св. Владимира 4-й степени и такимъ образомъ, сдѣлавшись потомственнымъ дворяниномъ, вышелъ въ отставку. До сихъ поръ онъ находится въ вожделѣнномъ здравіи; но только изъ бывшихъ у него прежде шести домовъ въ настоящее время остался только одинъ, потому что послѣдняя его служба не была для него Калифорніею, какъ Палата Госуд. Имуществъ, и по нуждѣ время-отъ-времени привелось ему пять домовъ продать. По общежитію съ людьми и по окостюмировкѣ онъ вполнѣ гармонируетъ съ описаннымъ мною выше И. П. П., и нельзя его признать за потомственнаго дворянина, а вѣрнѣе за какого-нибудь прикащика изъ мясной или рыбной лавки. Онъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что когда остался въ заштатѣ послѣ упраздненія Палаты, то тотчасъ же, вѣроятно въ видахъ умилостивленія Бога за свои великія прегрѣшенія, всецѣло посвятилъ себя на служеніе Ему, что̀ и до сихъ поръ неуклонно продолжаетъ: чуть ли не каждый день ходитъ въ разныя церкви, гдѣ на клиросахъ за псаломщиковъ поетъ и читаетъ и вдобавокъ къ проскомидіи подаетъ поминаніе, въ которомъ только однихъ умершихъ вписано до двухъ сотъ человѣкъ. Почему это такъ много? Богъ вѣсть! Ужъ не вписаны-ли у него тутъ и нѣкоторые изъ бывшихъ его въ Палатѣ Госуд. Имущ. просителей? Такимъ образомъ при сопоставленіи этого столоначальника въ сравненіе съ И. П. П-ъ, являются двѣ противоположныя одна другой метаморфозы, а именно: по одной изъ нихъ превращеніе изъ церковнаго причетника въ потомственнаго дворянина посредствомъ службы, а по второй, самопроизвольное изъ потомственнаго дворянина въ псаломщика.

Шли дни, мѣсяцы, шли года такой веселой и привольной жизни, и никто не ожидалъ ея перемѣны, а между тѣмъ на Сѣверѣ уже образовались грозныя тучи.

Прежде сдѣлалось извѣстнымъ, что министромъ государственныхъ имуществъ назначенъ Муравьевъ, это тотъ самый, который былъ великою грозою для Поляковъ во время ихъ возстанія въ 1863 году. Спустя недолго послѣ сего стали ходить слухи, что министръ Муравьевъ предполагаетъ поѣздки по Россіи съ цѣлью обревизованія Палатъ, для знакомства съ бытомъ государственныхъ крестьянъ и уже выѣхалъ будто бы въ южныя губерніи съ намѣреніемъ посѣтить и Нижегородскую, объѣхавши прежде низовыя по Волгѣ губерніи. Отъ такой вѣсти Палата вздрогнула и засуетилась все приводить

въ должный порядокъ. Но развѣ въ короткое время возможно было исправить всѣ безпорядки и злоупотребленія, которыя творились десятками лѣтъ? Поэтому управляющій палатою В. А. Трубниковъ за лучшее призналъ для себя выйти въ отставку. Значитъ, зачуяла кошка, чье мясо съѣла. Вмѣсто же Трубникова, хотя и былъ назначенъ князь Трубецкой, но онъ въ должность не вступалъ до самаго пріѣзда министра, вѣроятно опасаясь того, чтобы невинно не попасть въ какой либо просакъ. Между тѣмъ долго еще до пріѣзда министра чиновники его, человѣкъ десять, уже разъѣзжали по губерніи, разузнавая все и собирая въ Палатѣ разныя свѣдѣнія.

Наконецъ, прибылъ къ намъ въ Палату и самъ Муравьевъ въ сопровожденіемъ брата своего, который въ то время былъ здѣшнимъ губернаторомъ. Размѣстились въ присутствіи Палаты такимъ образомъ: на первое предсѣдательское мѣсто сѣлъ, разумѣется, министръ, рядомъ съ нимъ направо сѣлъ его братъ-губернаторъ и вся свита министра, занявши всю эту сторону стола, а по лѣвой сторонѣ стола сѣли управляющій князь Трубецкой и остальные члѣны Палаты. Затѣмъ, стоя передъ ними, находились нарочно вызванные къ этому случаю всѣ окружные начальники и лѣсные ревизоры; мы-же, канцелярскіе чины, изъ любопытства столпились внѣ присутствія, у стеклянныхъ дверей его. „Пожалуйста, пожалуйста, господа, отойдите, бѣда будетъ, если онъ увидитъ!“, такъ, со страхомъ, подбѣгая къ каждому изъ насъ, говорилъ экзекуторъ Палаты. Однакоже бѣды никакой не опослѣдовало, и опасенія экзекутора были напрасны. Министръ дѣйствительно увидалъ, что мы тутъ столпились и экзекуторъ насъ отгоняетъ, и закричалъ во всю мочь: „Отворить дверь настежъ! Я не намѣренъ секретничать; пускай каждый, кто желаетъ, входитъ и слушаетъ“. И вотъ послѣ этого, ввалившись большой толпою въ присутствіе, мы сдѣлались очевидцами всего бывшаго и ужъ подлинно, какъ говорится, насмотрѣлись, и наслушались всласть. Это былъ чисто страшный судъ! Прежде всего министръ сказалъ, что Палата уже обревизована, и ему остается только сдѣлать заключеніе, а потомъ и началъ такъ: „Почему по государственнымъ податямъ накопилась такая огромная недоимка на государственныхъ крестьянахъ? Кто окружный начальникъ по Васильскому округу?“ На этотъ вызовъ вышелъ впередъ здоровый и очень большаго роста изъ помѣщиковъ окружный начальникъ Н. и началъ оправдываться тѣмъ, что въ его округѣ находится много Татаръ, а они вообще неисправные плательщики государственныхъ податей. „Да, сказалъ министръ, они неисправно платятъ подати, а однакоже въ вашу пользу они платятъ весьма исправно“, а потомъ, обращаясь къ губернатору, сказалъ: „Ваше превосходительство, этого окружнаго начальника нынѣ же удалить отъ должности и о поступкахъ его произвести формальное слѣдствіе. А кто окружный начальникъ по Нижегородскому округу?“ И выступилъ нѣмчурка, по фамиліи Б., который началъ объясняться ломаннымъ Русскимъ языкомъ и весьма нескладно. Тогда министръ, снова обратившись къ губернатору, сказалъ: „Этотъ окружный начальникъ глупъ, такихъ на службѣ и держать бы не слѣдовало“. Затѣмъ, еще двоихъ окружныхъ начальниковъ похвалилъ за то, что, не смотря на

недавнюю ихъ службу, они успѣли уже взыскать много недоимокъ. Послѣ этого министръ напустился на совѣтника хозяйственнаго отдѣленія за его нераспорядительность по взысканію податныхъ недоимокъ и при этомъ высказалъ свое сожалѣніе о томъ, что не засталъ уже мошенника управляющаго Трубникова; мы всѣ тогда мысленно улыбнулись, потому что Трубниковъ, какъ намъ хорошо извѣстно, никогда ни былъ мошенникомъ, а былъ только весьма простъ и недальновиденъ. Потомъ министръ, разбирая изслѣдованія своихъ чиновниковъ, тоже часто жалѣлъ, что не засталъ Трубникова, а взамѣнъ его все только и пилилъ одного совѣтника хозяйственнаго отдѣленія, а настоящаго управляющаго кн. Трубецкаго часто просилъ обратить особенное вниманіе на то-то и ва то-то. Когда засѣданіе окончилось, многіе говорили, что здѣсь въ сравненіи съ прочими губерніями окончилось еще довольно благополучно, а то были такія Палаты, въ которыхъ министръ весь составъ присутствія изгонялъ вонъ и, заперевъ двери присутствія и положивши ключъ въ свой карманъ, объявлялъ, что Палата закрыта впредъ до сформированія новаго для нея состава. Послѣ означенной ревизіи и по отъѣздѣ министра, губернаторомъ Муравьевымъ былъ назначенъ для производства формальнаго слѣдствія объ окружномъ начальникѣ Н. совѣтникъ Губернскаго Правленія Павелъ Логиновичъ Бетлингъ, который вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе перемѣщенія управляющаго кн. Трубецкого въ управляющіе Московской Удѣльной Конторой, поступилъ на его мѣсто.

Не менѣе другихъ былъ замѣчателенъ и бухгалтеръ продовольственнаго стола Вас. Арх. И. Окончивши курсъ семинаріи, онъ былъ первоначально учителемъ духовнаго уѣзднаго училища; человѣкъ въ высшей степени добрый, хотя весьма раздражительный, но не злобный, а вдобавокъ любилъ выпить и вести дружескую компанію, а иногда и проявлять весьма странныя выходки. Однажды въ компаніи, будучи въ весьма возбужденномъ состояніи, онъ сказалъ, что у него душа нараспашку и при этомъ, ухватившись обѣими руками за грудь, пополамъ располыснулъ свою сорочку. На первыхъ порахъ своей службы, пока онъ еще не свыкся съ дѣлопроизводствомъ и не всмотрѣлся въ окружавшую его среду, жилъ онъ тихо, кутежей еще было немного, да по правдѣ сказать и средствъ къ этому было еще недостаточно, такъ какъ на получаемое тогда скромное жалованье въ 21 рубль въ мѣсяцъ далеко не уѣдешь, а по существу дѣлъ продовольственнаго стола и доходовъ-то было совсѣмъ мало. Но, судя по характеру Вас. Арх., на это онъ былъ бы и вовсе не способенъ, если бы его не соблазняла окружающая среда, а главное не научилъ бы его помощникъ Ардальонъ Михайловичъ Д., человѣкъ шустрый и весьма изобрѣтательный на взятки. Служа лѣтъ пять еще писцомъ въ продовольственномъ столѣ, онъ окончательно освоился съ дѣлопроизводствомъ не только этого стола, но и другихъ по Палатѣ. Сынъ сельскаго священника, онъ привлекъ къ себѣ по знакомству изъ своего села многихъ крестьянъ, которымъ писалъ различныя прошенія и давалъ совѣтъ, къ кому и какъ слѣдуетъ обратиться по дѣлу, за что, разумѣется, получалъ приличное вознагражденіе. Слава его, какъ дѣлового человѣка, распространилась не только

въ его родномъ селѣ, но даже и въ окрестности. Онъ съ мужиками такъ говаривалъ, что „я, хотя и не велика птичка, да ноготокъ востеръ“. И мужики къ нему все валили и валили, и онъ жилъ припѣваючи. Вотъ такой-то человѣкъ и былъ помощникомъ у Вас. Архиповича.

Въ это время я и Василій Архиповичъ, какъ оба холостые, жили въ одной квартирѣ, но содержаніе пополамъ. На первыхъ порахъ все у насъ шло хорошо, и онъ постоянно почти приходилъ домой и обѣдать и ночевать; но вотъ, когда у нихъ въ столѣ явились новые источники доходовъ отъ образовавшихся новыхъ дѣлъ о подворной повинности и объ устройствѣ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ новыхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, онъ уже сталъ рѣдко являться домой. Такая его жизнь меня ставила въ неловкое положеніе: мнѣ было совѣстно предъ нимъ, что расходы на содержаніе расчитывались у меня съ нимъ пополамъ, а между тѣмъ онъ не обѣдалъ, не ужиналъ и чаю не пилъ дома; поэтому я сказалъ ему, что расходы на этотъ предметъ будутъ всѣ только на мой счетъ. Онъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ и велѣлъ все дѣлать неизмѣнно по заведенному порядку. Однакоже послѣ этого онъ недолго пожилъ со мною, а поселился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ А. М. на другой квартирѣ. Такая совмѣстная жизнь была для нихъ необходима, потому что наступило время производства торговъ и заключенія контрактовъ на подворную повинность и на постройку хлѣбныхъ магазиновъ, и къ нимъ уже начали являться на квартиру большими партіями съемщики. Вотъ тутъ-то теперь для нихъ открылось широкое поле дѣятельности, а въ особенности для изобрѣтательнаго ума Ардальона Михайловича. Они по примѣру столоначальниковъ рекрутскаго стола брали громадныя взятки, кутили на-пропалую, Шампанское лилось рѣкою. Къ взяткамъ А. М. еще открылъ источникъ доходовъ, такой, что, кромѣ подлежащей на написаніе контрактовъ актовой бумаги, они брали еще натурою по нѣскольку листовъ съ каждаго съемщика гербовой бумаги на дѣлопроизводство, которую потомъ и продавали присяжнымъ губернскаго казначейства съ небольшою уступкою противъ нарицательной ея цѣны. Мнѣ часто приводилось быть у нихъ въ квартирѣ, потому что я помогалъ имъ въ ихъ работѣ, составляя по ихъ столу различныя срочныя вѣдомости. Самъ я въ это время былъ помощникомъ бухгалтера контрольнаго отдѣленія, получая жалованья въ мѣсяцъ 12 руб. 25 коп. Тамъ не было никакихъ доходовъ, поэтому я радъ былъ, что мнѣ доставалась посторонняя работа, за которую платили мнѣ весьма щедро; а съ этимъ вмѣстѣ мнѣ очень часто приходилось участвовать въ ихъ кутежахъ и пить Шампанское. Тогда у Василія Архип. былъ обычай, что если кто къ нему являлся на квартиру изъ подчиненныхъ Палатѣ лицъ, то непремѣннымъ дѣломъ было требовать отъ него бутылку Шампанскаго, которое онъ пилъ съ особымъ фокусомъ, „булькой“, а именно во время самаго питья производилъ крикъ, отчего въ горлѣ дѣлалось клокотаніе Шампанскаго и выходило похоже на свистки парохода. Онъ гордился такимъ фокусомъ, а въ компаніи его даже просили пить Шампанское непремѣнно „булькой“. Однажды при мнѣ

былъ весьма курьезный случай. Къ Вас. Арх. по какому-то служебному дѣлу явился письмоводитель Окружнаго Управленія Ив. Аѳ. У., человѣкъ, хотя и со средствами, тоже вслѣдствіе взятокъ, но чрезмѣрно скупой, и вотъ отъ него-то и была потребована бутылка Шампанскаго. Винный погребокъ находился весьма близко отъ квартиры, и поэтому Шампанское тотчасъ же явилось. Василію Архиповичу не захотѣлось долго возиться съ нею, и онъ вздумалъ откупорить ее самымъ примитивнымъ способомъ: взявъ столовый ножъ, сталъ въ прихожей отбивать обухомъ ножа у бутылки горлышко; но отъ этого бутылка лопнула, и все Шампанское вылилось въ стоявшія тутъ глубокія галоши гостя. Василій Архиповичъ преимущественно любилъ кутить въ компаніи; онъ говорилъ, что пить одному нѣтъ смысла и поэтому истрачивалъ на кутежи все, что̀ получалъ, не оставляя въ запасѣ, на черный день, ни одной копѣйки. Вообще же надобно сказать, что тогда кутежи у чиновниковъ Палаты были весьма частые, много кутили на свои деньги, т. е. взяточныя, а еще больше на деньги волостныхъ головъ и писарей, изъ которыхъ нѣкоторые задавали для чиновниковъ такіе пиры, что просто на славу, истрачивая на это 200—300 р., а иногда и больше.

Пріѣздъ такихъ лицъ въ Нижній составлялъ цѣлое событіе. „Пріѣхалъ Эделинъ!“ восторженно сообщалъ въ Палатѣ кто-нибудь изъ чиновниковъ, перебѣгая отъ одного стола къ другому. „Ну, значитъ *чкнемъ*“ бывало отзывомъ на сдѣланное сообщеніе. Эделинъ это одинъ изъ волостныхъ головъ, любившій самъ кутежи и не жалѣвшій на это никакихъ денегъ, и названіе „чкнемъ“ есть его собственное, означающее „кутнемъ“. Этимъ самымъ названіемъ онъ и дѣлалъ всегда приглашеніе. Такимъ образомъ по выбору Эделина человѣкъ десять чиновниковъ отправлялись вмѣстѣ съ нимъ въ какую-либо гостиницу, гдѣ въ отдѣльномъ номерѣ и кутили на славу съ такимъ финаломъ, что отсюда всѣ холостые и женатые во главѣ съ Эделинымъ уже непремѣнно попадали въ обитель Евгеніи Михайловны, а попросту „Еньки“, находившуюся въ полугорѣ противъ Рождественской церкви. Послѣ такихъ кутежей на другой день утромъ въ Палатѣ видно было, какъ у всѣхъ тѣхъ чиновниковъ сильно помяты физіономіи и нѣкоторые даже, по случаю дражанія рукъ, не могли подписывать бумагъ; но въ этомъ случаѣ всегда выручалъ и подписывалъ за нихъ бумаги писецъ И. И. Граціановъ, весьма даровитый и на все способный, который сразу такъ искусно умѣлъ копировать каждый почеркъ, что хоть сто человѣкъ приглашайте экспертовъ и ни одинъ изъ нихъ не признаетъ подлога. Такіе дни слѣдовавшіе послѣ кутежей считались для службы уже потерянными. Тогда всѣ кутившіе чиновники, собравшись въ кучку въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, чтобы не видалъ управляющій или совѣтникъ, только и занимались тѣмъ, что говорили, шутили, смѣялись, острили другъ надъ дружкой и разсказывали разные анекдоты и происшествія.

Со вступленіемъ Павла Логиновича въ управленіе Палатою дѣла пошли не лучше, чѣмъ при Трубниковѣ: взяточничество и различныя злоупотребленія продолжались попрежнему, также какъ и кутежи чиновниковъ. Онъ видимо старался выказать себя весьма дѣятельнымъ и полезнымъ человѣкомъ: все торопился, суетился, сдѣлалъ массу различныхъ распоряженій, но все у

него какъ-то не клеилось. Время управленія его Палатою ознаменовалось только двумя весьма замѣчательными происшествіями. Первое было то, что слѣдственное дѣло, которое онъ производилъ о злоупотребленіяхъ Н., какимъ-то манеромъ утонуло въ рѣкѣ Сурѣ, во время его переѣзда чрезъ нее при возвращеніи изъ г. Василя въ Нижній-Новгородъ и вслѣдствіе этого дѣло заглохло; а второе—пожаръ Палаты, помѣщавшейся въ то время въ корпусѣ, гдѣ въ настоящее время находится Всесословный Клубъ, но только въ самомъ верхнемъ этажѣ по фасаду Мытнаго двора, и этимъ пожаромъ уничтожено все до-тла. „Жалко, Павелъ Логиновичъ!“ сказалъ ему на пожарѣ полиціймейстеръ Лаппа. „Да, жалко“, отвѣчалъ Пав. Лог.. „Но вѣдь я не о томъ жалѣю, что сгорѣла Палата“, снова произнесъ Лаппа, „а о томъ, что не полиція сгорѣла“. Въ свою очередь и мнѣ пришлось съострить бывшему тутъ совѣтнику контрольнаго отдѣленія, который спросилъ меня, услыхавши горниста, трубившаго для сбора бывшихъ на пожарѣ солдатъ, „что это такое?“ Я ему отвѣтилъ, что это салютъ загорающимся рекрутскимъ дѣламъ, указывая при этомъ на то мѣсто, гдѣ находился рекрутскій столъ. Причину пожара тогда многіе приписывали умышленному поджогу, по случаю находившихся въ большомъ количествѣ дѣлъ о злоупотребленіяхъ, особенно о самовольныхъ лѣсныхъ порубкахъ, по которымъ нѣкоторые изъ лѣсничихъ находились уже подъ судомъ. Нѣкоторые даже говорили, что тутъ не безъ грѣха и Павелъ Логиновичъ, судя потому, какъ у него утонуло дѣло о Н. Разумѣется, объ этомъ пожарѣ было произведено слѣдствіе; но чѣмъ оно окончилось, мнѣ неизвѣстно, а только случилось то, что вскорѣ послѣ этого Бетлингъ вышелъ въ отставку, а потомъ, по выборамъ дворянства, былъ избранъ предсѣдателемъ Нижегородской уголовной Палаты; вмѣсто же его поступилъ въ управляющіе Палатою Госуд. Имущ. добрѣйшій, умный, образованный и одинъ изъ героевъ, осаждавшихъ Силистрію во время Турецкой кампаніи, генералъ-маіоръ Петръ Николаевичъ Арцыбашевъ. Но его управленіе ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, кромѣ какъ тѣмъ, что онъ окружилъ себя на службѣ многими своими родственниками, предоставивши имъ довольно видныя должности, и изъ нихъ нѣкоторые, злоупотребляя его довѣріемъ и добротою, стали брать и взятки. Однакоже Арцыбашевъ, недолго послуживши управляющимъ, вышелъ въ отставку, а послѣ его стали выбывать одинъ за другимъ и его родственники. Затѣмъ послѣднимъ управляющимъ Палатою былъ Мих. Ив. Поповъ, изъ Арзамасскихъ купцовъ, человѣкъ весьма добрый, но только по службѣ былъ не очень мудрый, даже самъ себя не вездѣ считалъ способнымъ, такъ напримѣръ: въ земскихъ и другихъ собраніяхъ онъ всегда командировалъ находиться вмѣсто себя совѣтника хозяйственнаго отдѣленія Бѣлоголовова. Но вообще служба его въ Палатѣ продолжалась уже недолго, и по случаю упраздненія ея съ 1 Января 1867 года онъ остался за штатомъ.

Всѣ описанныя мною лица (впрочемъ только кромѣ одного изъ столоначальниковъ рекрутскаго стола) давнымъ давно оставили здѣшнюю жизнь и перешли въ вѣчность... Вѣчная имъ память! Аминь.

В. И. Глоріантовъ